

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 254

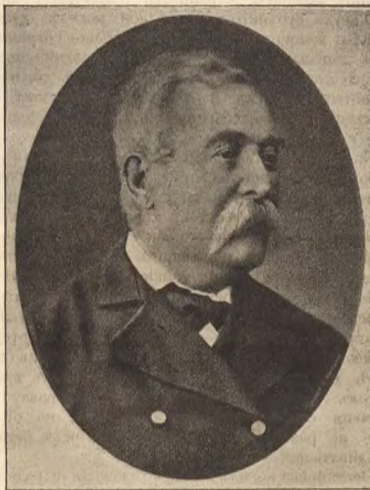
Къ № 254

Воскресенье, 23-го ноября 1903 года.

Степанъ Ивановичъ Гуляевъ.

Пятнадцать лѣтъ уже прошло со дня смерти Степана Ивановича Гуляева, послѣдовавшей въ гор. Барнауль Этого человека знаютъ немногіе изъ представителей современной сибирской интеллигенціи. Онъ не создалъ себѣ репутаціи ни писателя, ни ученаго, ни крупнаго общественнаго дѣятеля. извѣстнаго далеко за пределами своей окружающей среды, но съ другой стороны это былъ человекъ далеко выдающийся среди современнаго ему общества. Онъ можетъ служить примѣромъ того, что живая мысль, несмотря на неблагоприятныя, затягивающія въ жизненную тину условія, можетъ сохраниться дѣятельной и активной, если она не перестаетъ задавать себѣ работу. Такіе люди, сохранявшіе и въ провинціальномъ захолустьи лучшія человѣческія свойства, представляютъ далеко незаурядное явленіе и заслуживаютъ памяти послѣдующихъ поколѣній. Гуляевъ проявилъ небезполезно, онъ старался внести и дѣйствительно внесъ посильную лепту въ сокровищницу общественного прогресса. Тотъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ литературой о Сибирѣ, и въ особенности, объ Алтайѣ, встрѣтилъ бы имя Гуляева и какъ автора статей и какъ коллекціонера, и какъ знатока Алтайскаго края, притомъ знатока всегда готоваго подѣлиться своими обширными и разнообразными свѣдѣніями со всякимъ интересующимся. Дореформенная русская жизнь, а тѣмъ болѣе жизнь сибирскаго захолустья была почвой малоблагопріятной для созданія и культивировки личности съ умственными запросами и съ идеалами альтруистической окраски. Уже по этому одному такіе люди, какъ Гуляевъ, ставшіе выше среды, представляютъ не только психологическій, но и прямо историческій интересъ. Начало сознательной общественной жизни обширной Россіи уже положено и эта жизнь будетъ развиваться все болѣе и болѣе — возвратъ къ прошлому растительному прозябанію уже невозможенъ — таковы законы исторіи и это начало сознательной общественной жизни полагали единичныя личности, подобныя Гуляеву, движеніе затѣмъ постепенно расширялось, центры постепенно престають играть роль безапельсиновыхъ командировъ въ умственной сферѣ, область умственно расти и мужаетъ, и она была бы глубоко несправедлива, если бы забыла тѣхъ пионеровъ, которые стремились вывести ее на путь духовнаго пробужденія. Гуляевъ былъ мѣстный дѣятель, желавшій принести посильную пользу своему родному краю. Если дѣятельность его и не была широкой, то въ этомъ нельзя упрекнуть его — большому расширенію пріятствовалъ весь укладъ окружающей среды и, пожалуй, свойства его натуры. Читатели, несомнѣнно о Гуляевѣ, а такихъ на вѣрное большинство, потребуютъ, конечно, доказательствъ, оправдывающихъ интересъ къ личности этого человека. Доказательства эти и сейчасъ и постараюсь представить. Работу облегчитъ мнѣ составленный И. Я. Словцовымъ въ 1890 году, черезъ два года послѣ смерти Гуляева, его биографическій очеркъ. (Омскъ. Тип. Акм. Обл. Правл. 1891 г. 75 стр.). С. И. Гуляевъ родился въ 1805 году въ селѣ Алейскомъ на Алтайѣ. Отецъ его, утѣрь-шихтмейстеръ Иванъ Петровичъ и мать Дарья Степановна были люди не богатые, жили въ захолустьи и не могли дать дѣтямъ своего высшаго образованія. Мать Ст. Ив., будучи грамотной женщиной, что въ то время въ захолустьяхъ мѣстахъ было большою рѣдкостью, сама обучала своихъ дѣтей грамотѣ. Подъ ея влияніемъ выросла и развивалась любознательность Ст. Ив. Въ дѣтствѣ еще онъ начиналъ интересоваться народнымъ эпосомъ, собирая и записывая народныя пѣсни, сказки, прибаутки. Въ 1819 году Гуляевъ былъ опредѣленъ въ Барнаульское Горное управленіе. Автору этого очерка самому

приходилось въ концѣ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія обучаться въ этомъ училищѣ. Надо сознаться, что, если и въ это позднѣйшее время оно напоминало бурсу Помяловскаго съ зубрежкой, дикими нравами, невѣжественными учителями, то во времена Гуляева дѣло обстояло, конечно, не лучше. Невѣжественные педагоги не могли въ ученикахъ своихъ воспитать любознательность и разудлую дремлющую мысль. Объ умственномъ развитіи учащихся никто не заботился. Потому понятно, что Гуляевъ благодаря своимъ способностямъ, прекрасно окончившій курсъ, тѣмъ не менѣе оставилъ свою alma mater съ ничтожнымъ научнымъ багажомъ, что онъ и самъ сознавалъ. По окончаніи училища

С. И. Гуляевъ

Гуляевъ, какъ хорошій ученикъ, въ 1837 году былъ принятъ на службу въ Петербургъ старшимъ пискомъ въ Горное Отдѣленіе Кабинета Его Величества. Отдавая свободное отъ служебныхъ занятій время пополненію своего образованія, Гуляевъ не переставалъ заниматься кроме того рисованіемъ, къ которому чувствовалъ большое призваніе.

Въ это время у него въ Петербургѣ появились знакомства среди литературнаго и ученаго міра и въ 1839 году онъ выступаетъ съ первымъ своимъ литературнымъ трудомъ „о сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ“, напечатанномъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. До и послѣ женитьбы своей Гуляевъ, живя въ Петербургѣ, принужденъ былъ заниматься частными уроками ввиду скудности получаемаго на службѣ жалованія. Къ педагогической дѣятельности онъ отъвоился не какъ ремесленникъ, а какъ вдумчивый специалистъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ составленный имъ и впоследствии напечатанный (въ 1859 г.) опытъ грамматики русскаго языка. Въ немъ авторъ старается объяснить тѣ психологическія и логическія понятія, на которыя опираются грамматическія опредѣленія.

Знакомство Гуляева съ извѣстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ Якушкинымъ и пѣвцомъ народныхъ пѣсенъ Молчановымъ побудили Гуляева разобратися въ собранномъ имъ матеріалѣ по народному эпосу, пополнить этотъ матеріалъ новыми данными. Результатомъ этой работы, кромѣ упомянутой уже статьи „о сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ“ явились: быльни, собранныя въ Сузунскомъ заводѣ „Объ Ильѣ Муромцѣ и Борисѣ Збѣтѣ“, „про Дуная Ивановича и жену его“, „про Алешу Поповича и сестру его“, „Свадебные обряды Ярославской губерніи“,

пѣсни, собранныя въ Локтевскомъ заводѣ, „Этнографическія очерки Южной Сибири“ и проч.

Гуляевъ интересуется въ это время не только фольклоромъ, но и другими областями знанія. Его перу принадлежатъ статьи „Объ алтайскихъ камешникахъ“, „Очеркъ Кольвано-Воскресенскихъ заводовъ“, „Иртышъ и страна, имъ орошаемая“, „О древностяхъ въ киргизской степи“, „О графитѣ“, „Кулундинская степь“ и др.

Въ 1859 г. Гуляевъ былъ переведенъ на службу въ Барнаулъ совѣтникомъ отдѣленія частныхъ золотыхъ промысловъ Алтайскаго Горнаго Управленія.

Степанъ Ивановичъ и здѣсь не перестаетъ интересоваться научными знаніями, несмотря на то, что окружающая среда не могла вдохновлять его на эту работу. Барнаулъ того времени въ верхнихъ слояхъ своихъ велъ веселую свѣтскую жизнь, устраивая пышные фестивали, танцы, хорошо кушая и въ достаточной мѣрѣ бездѣлничая. Гуляевъ по своему служебному положенію не могъ совершенно изолироваться отъ этой окружающей среды и долженъ былъ поддерживать съ ней связи, но онъ сумѣлъ не раствориться въ этой средѣ, не слиться съ ней, отстоять право на самостоятельность своей духовной личности. По своей духовной организаци Гуляевъ не былъ боевой натурой, протестующей противъ ненормальностей и несправедливостей окружающей жизни, для чего было бы вполне достаточно поводовъ въ новой его служебной средѣ. Не нужно однако забывать въ то, что Гуляевъ пошелъ въ Барнаулъ будучи уже почти 55-лѣтняго возраста, когда и не можетъ быть у человека остроты чувства, свойственной молодости.

Гуляевъ былъ скорѣе человекъ кабинетнаго склада ума и привычекъ; для него интересы къ научнымъ вопросамъ были ближе и дороже участія въ борьбѣ переходящихъ людскихъ страстей и житейскихъ условій. Его болѣе интересовали научныя, а не политическія новости. Таковъ уже былъ складъ его ума. Конечно, это нѣкоторый дефектъ, но не будемъ требовать отъ человека болѣе того, что онъ могъ по своей натурѣ дать. Да кромѣ того, въ окружающей средѣ онъ не нашелъ бы поддержки и сочувствія и это онъ прекрасно понималъ, не переставая сочувствовать всему добру и честному и стараясь жить такъ, чтобы сохранить свою личную порядочность и чистоту. Нельзя однако сказать, чтобы Гуляевъ совершенно не принималъ участія въ средѣ культурно-общественной жизни. Однако слѣдуетъ замѣтить, что лучшее время для общественной инициативы наступило въ Барнаулѣ уже тогда, когда Гуляеву было болѣе 70 лѣтъ.

Въ Барнаулѣ онъ собираетъ разныя научныя матеріалы, пишетъ статьи, собираетъ коллекціи, старинныя рукописи, книги, заводитъ сношеніе съ населеніемъ, старается заинтересовать разныхъ лицъ научною работой, сноситъ съ учеными обществами, радуюсь принимаетъ проѣзжавшихъ черезъ Барнаулъ на Алтай путешественниковъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, давая имъ практическія указанія, открывая свои коллекціи и научныя матеріалы. Въ такой жизни онъ находитъ нравственное удовлетвореніе. За періодъ барнаульскаго житія Гуляевъ напечаталъ въ разныхъ изданіяхъ много статей, хотя значительная масса собраннаго имъ матеріала осталась имъ неиспользованной. Среди этихъ статей и матеріала изобита поэмы историческаго, этнографическаго, естественно-историческаго, археологическаго, экономическаго содержанія. Гуляева интересуютъ Сибирь и въ частности главнымъ образомъ Алтай, наиболее достужная его наблюденіямъ. Гуляевъ состоялъ членомъ 10 ученыхъ обществъ и велъ съ ними дѣятельную переписку, посылая свои статьи и замѣтки, предметы для коллекцій, старинныя рукописи и книги. Много рукописей и книгъ пожертвовано имъ было въ Императорскую публичную бібліотеку.

Число всех статей, написанных Гуляевым, и напечатанных, нужно считать до 150. За время своей жизни в Барнауле Гуляев по вопросам научного характера интересуется вопросами техники и прикладного знания. Трудно было в небольшом очерке перечислить все сделанное Гуляевым в этой области и поневоле приходится ограничиться лишь частными указаниями. Так, он старается культивировать на Алтае новые сельскохозяйственные растения, как например свекловичу, высшего сорта табак, яблони, груши. В своем саду он делает опыты акклиматизации растений. Дает советы, указания другим, раздает семена, следит за опытами и сообщает об их результатах в ученым обществу. Собирает сведения о дикорастущих сибирских растениях, он заботится о сборе их утилизации. Таковы растения ирга, кендырь (дают волокно), кунак, касари, серуха (дают красивую шерсть), кырлык, колба (питательное и лекарственное вещество) и проч.

Гуляев же изобрел и особую черную краску для шубы, изветных под названием барнаульской. Также он был занят собиранием сведений о полезных ископаемых, как-то: графит, каолин, горный воск, азбест, горный масл и проч.

Для сибирской провинции того времени подобный человек представлял действительно незаурядное явление. Простота, деликатность его обращения с низшими, готовность дать совет и указания естественно создали ему уважение и среди простого класса населения, в котором Гуляев был популярен. Следует отметить еще то, что Гуляев, занимаясь разрывением практических вопросов, не пренебрегал никакими приобретательскими целями. Это был совершенно безорытный человек, — стремления к наживе, обогащению, были ему совершенно чужды.

А. Сибирцев.

Оглажинский могильник.

(Опочивание, см № 249).

В каждой из могил обычно погребено по два субъекта; они занимают горизонтально-спинное положение, с вытянутыми вдоль руками, с приподнятой головой, обращенной на северо-восток, лицом вверх. Но такое обычное положение, от которого встречаются отступления. Так, наприм., в одной могиле совсем не было костяков или их частей, в другой были только кости одного субъекта, искусственно уложенные, в третьей — кромок двух костяков взрослых находились еще кости маленького ребенка. В двух могилах наблюдалось обратное положение костяков — головами на юго-запад; были и такие могилы, где кости лежали в беспорядке, очевидно, похороненные в виде остатков давно умерших людей, причем некоторых костей не доставало (в одной могиле, наприм., совсем не было черепа от одного из костяков). Что касается пола и возраста погребенных, то только в одном случае я нашел рядом с мужским женский костяк, во всех других могилах это были мужские костяки, больше частью в зрелом возрасте, и костяки подростков или детей; только в одной могиле костяк принадлежал старику. Костяки уложены были на широких пластинах бересты на дне могилы, под головами у иных подложены были небольшие обрубки дерева или камня, а то просто подсыпка из земли, с целью приподнять изголовье. Но в одной могиле ложе устроено было особым образом. На четырех высоких (в аршин) и красиво сделанных из дерева тумбах, поставленных по паре по концам могилы и связанных между собою поперечинами, сделаны были настил из досок и на них то были погребены субъекты. Обычной принадлежностью погребений в этом могильнике были гипсовые маски, надвты на лица усопших. Большую часть они плохо сохранились, так как гипс вообще материал весьма не прочный, а к тому же маски почти все были очень тонкие; одна маска сохраняет следы серезной почины. Некоторые маски закрывали не только лицевую часть головы, а еще и половину черепа, уши, подбородок и даже шею.

Одни маски сохранили свой естественный цвет, другие были сплошь окрашены красной краской, третьи расписаны фигурами. Под и которыми масками была обнаружена любопытная подробность — на обоих глазах, ротовом и носовом отверстиях были наложены четырехугольные кусочки тонкой шелковой материи светлого цвета, причем на кусочках для глаз и рта были сделаны прорезы, соответствующие щелям закрытых глаз и рта. Масок не найдено лишь в трех могилах, где кости были погребены беспорядочно. Другое отличительное чертой этих погребений является предварительная подготовка головы — все черепа, за исключением одного, лежавшего в могиле одиноко и уложенного искусственно, — пробиты в затылочной части, вероятно, с целью удаления мозга. Ловким, приемышем ударом выбивали небольшой кусок в 1—1½ дюйма затылочной кости; но в иных случаях, в толстостенных черепахах, этот кусок выдалбливался острым орудием и при помощи просверленных в куске дыр вынимался; обыкновенно выбитый или выдолбленный кусок кости помещался внутри черепной коробки. Всегда вероятно, что подготовка трупа к погребению шла и дальше — пока этот вопрос для меня самого еще не ясен; я могу лишь отметить, кроме указанной уже части ступни, большую сохранность некоторых частей двух субъектов в одной могиле — мужчины и женщины; у женщины хорошо сохранились лицевые покровы, ухо, шея, половина плечевого пояса, обе руки, одна грудь с хорошо развитым соском и некоторые др. части; у мужчины хорошо сохранились некоторые лицевые покровы и все шея.

На этих мумифицированных препаратах хорошо различаются сосуды, особенно крупные, окружающие их мышцы и наружные покровы. У некоторых субъектов хорошо сохранились и волосы, заплетенные в косу, которую, несомненно, носили и мужчины. Волосы каштановые, мягкие и очень тонкие. Из подобных волос в одной могиле, именно где находился женский костяк, найдена весьма искусно сделанная плетуха; очевидно, дамы и этой далекой от нас эпохи не отказывали себе в удовольствии заниматься своим туалетом. Для подкрепления этого соображения у меня собрано не мало материала, но он еще не разобран и я не могу на нем останавливаться.

Обстановка могил довольно сложная и разнообразная. Между другими предметами на первом плане стоит один, встречающийся в каждой могиле и на определенном месте; это маленький берестяной туюсок в 2—3 вершка высотой и 1½ диаметром; на одном конце пришито донышко, а около другого туюсок пронизан насковз 3—4 деревянными спицами; снаружи туюсок обтягивался шелковой материей; на двух экземплярах, лучше сохранившихся, можно видеть замечательно красивый и оригинальный рисунок ткани. Туюски находились непосредственно за черепом. Затягивать же часто встречались то в ногах, то в головах глиняные горшки различной формы — то шарообразные, с узким горлом, то на высоком, как указано выше, донышке, иногда с орнаментом из кривых, дугообразных линий. В иных могилах на месте глиняных горшков стояли деревянные сосуды, сделанные из коры, с ручкой. В двух могилах найдена была целая серия различной деревянной посуды — небольшие корытца, круглые чаши, ведро с берестяным дном, оригинальной формы боюнок со вставными днами, различной формы черпак и ложка, воронка, берестяной сосуд в форме табакерки, с орнаментом по бересте на подобие так распространенного у остяков и самоэдов Нарымского края. Сосуды эти помещались в конце могилы, в ногах костяков. Около костей рук и ног у нескольких субъектов я нашел предметы, которые готовь признать за идолов; это деревянная палашка с одной или двумя крестовинами, окрашенная в ярко красную краску. На концах крестовин присажены на деревянные гвозди конические пуговики из коры, а продолжная палашка на одном конце обтянута в подобие головы; эти предметы около 8 вершк. длиной. Кромок того встречались остатки небольших луков без тетивы, дерв. булавок, пряжки и т. п. Но вообще металлических, костяных или каменных предметов в могилах не встречалось.

Как на исключение могу указать, что при очистке одной обделанной палочки я нашел вбитую в торцев с одного конца маленькую железную петельку, а в одной могиле другой группы могильника какой-то предмет из толстой бронзовой проволоки, зигзагообразно изогнутой.

Из других подробностей погребального обряда упомяну следующие. Под головами некоторых костяков в изобилии насыпано какое то медное сѣмя, напоминающее китайскую чумизду. Кучки сожженных и притом сильно размельченных человеческих костей составляли принадлежность каждой могилы, но без определенного для этих костей места. Бараны допатки и ребра, а изредка ребра и ладки рогаго (? скота ветрѣвшихся, столь же постоянно в могилах и также без определенного для них места. В одной могиле я собрал 6 бараньих лопаток, принадлежащих пяти экземплярам различного возраста. Иногда кости скелета окладывались витками из какой-то мелкой травы, напоминающей осоку; в одной могиле этими витками были туго набиты сшитые из кожи узкие мешки, положенные вдоль рук и ног. В этой же могиле, около черепов, непосредственно прилегая к ним, я нашел два чучела голов, одно из которых было изготовлено с большою тщательностью; комь травы с одной стороны был, повидимому, обтянут кожей, на которой обделана нос, рот, глаза, впадины, затылок, сверху и захватывая большую половину кома, все было затянуто шелковой, ярко красной материей; под подбородком материя стянута ниткой, а на лбу обшита кожей, на которой сделаны из тонкого шурка орнамент, и, наконец, макушка этой головы и значительная часть затылка закрыты чепцом из рунчатой, очень красивой шелковой материи. На красной материи, которую обтянула лицевая сторона головы, явственно сделаны черною краскою брови, и кажется, были расписаны и другие части. Выше я сказал, что комь травы, повидимому, был обтянут и обделан с лицевой стороны кожей потому, что я не мог снять материи, не мог осмотреть, что под нею находится, боясь разрушить этот драгоценный предмет, полусгнивший и непрочный. Я сохранил его для других, более компетентных, чѣм я, изследователей.

Адрианов.

Из сказок сибирской действительности.

ВОЙЦЕХ ЛЕСЮКЪ.

I.

Была вторая половина апреля — время сѣмны зимы и весны в Якутском краѣ. По утрам морозило, сѣгъ залегал поля, лед сковывал рѣки, но опытный глаз улавливал различие между этим морозом, сѣгмом и льдом и зимними. Мороз, словно невѣтренный въ прежней своей силѣ, прибѣгал къ помощи вѣтра; сѣгъ утерлял характерную матовую бѣлизну и, позаметовавъ краски у солнца, манилъ глазъ миллионами его отражений; лед помутнѣлъ, старческой морщинами взбороздил его прозрачное, зимою столь величественное, туловище, и на них при сѣгѣ полуденного солнца не трудно было разглядѣть сочившіся по каплям слезы безсилья...

На людей эта сѣмна двух столь различных время года производила неодинаковое впечатлѣние. Якуты ликовали, а въ невольныхъ жителей далекаго востока это дуновение запада вызывало особую тоску по родинѣ...

Не избѣгъ ей и поселенецъ, Войцехъ Лесюкъ, уже шестой разъ встрѣчавшій весну въ Якутской области, казался-бы, совершенно забывшій и родину, и все родное. По цѣлымъ днямъ онъ бродилъ по покрытымъ сѣгмомъ полямъ и лугамъ, разминалъ жесткую идуру и громко разговаривалъ самъ съ собою. Куда онъ шелъ и зачѣмъ — онъ самъ не зналъ, хотя въ душѣ должно было, смутно бродила какаят-то определенная мысль, такъ какъ, увидѣвъ небольшой холмикъ, оголенный отъ сѣгга, онъ ускорилъ шаги и направился къ нему.

— Южъ (уже) сухъ! — удивился онъ, возвратившись на холмикъ и, ткнувши пальцемъ въ землю, добавилъ: и мягко!...

Это открытіе подѣйствовало на него магически.

— Скоро и пахать пора!

Поставя съ минуту въ раздуми, онъ по прежнему безъ дороги направился въ сторону своей юрты... Но не прошелъ онъ и ста сажень, какъ его вниманіе привлекъ другой, болѣе высокой холмикъ, чернымъ пятномъ выдѣлявшійся изъ окружающей его сибѣрской равнины. Возбравшись и на эту горку, Войцехъ остановился, какъ вкопанный: передъ нимъ яркъ блестящія, освѣщенные солнцемъ, желтые лепестки уже расцвѣтшихъ анемоновъ.

— Иезусъ, Маріа!—невольно вырвалось изъ его груди восклицаніе—ту—снѣгу, а ту цвѣты!.

Онъ нагнулся и, осторожно срывая одинъ стебелекъ, вновь направился въ сторону дома, но шаговъ за сто отъ своей юрты повернулъ по капризно извивавшейся, протоптанной въ снѣгу, тропинкѣ къ своему сосѣду и землюку Станиславу Савицкому... Тотъ сидѣлъ въ юртѣ, углубившись въ чтеніе, но увидѣвъ какъ порывисто Лесюкъ ворвался въ юрту, онъ поднялся ему на встрѣчу и съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ вами? что случилось?

Войцехъ смутился. Что-же въ самомъ дѣлѣ случилось? Земля оттаяла? цвѣтотъ выросъ? Онъ всегда въ квартирѣ этого „пана“ чувствовалъ себя смущеннымъ: тотъ такой ученый, все читаетъ и пишетъ, а онъ что? Простой „холопъ“. Что онъ ему скажетъ?..

И теперь, ворвавшись въ юрту, какъ сумасшедшій, онъ окончателно растерялся и, вмѣсто отвѣта, протянулъ къ пану Станиславу руку съ желтыми цвѣтоткомъ въ заскорузлыхъ пальцахъ.

— Южъ выросла!..

Савицкій глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Возбужденное состояніе Войцеха невольно навело его на мысли о томъ, что дунувеніе весны опять потянуло поселенца, какъ и раньше бывало, въ тайгу, на широкую волную волюшку...

— Ну, такъ что?—пытливо вглядываясь въ своего собесѣдника—спросилъ Савицкій.

— Какъ что? Пахать скоро пора!..

Какъ блескъ молніи иной-разъ въ темную ночь можетъ освѣтить и указать дорогу заблудившемуся путнику, такъ эти два слова: „пахать пора“—освѣтили для Савицкаго душевное состояніе Войцеха.

Съ минуту онъ, растерянный, глядѣлъ на своего гостя, а затѣмъ, словно и въ немъ проснулось унаследованное отъ цѣлаго ряда предковъ тяготѣніе къ землѣ, схватилъ своего гостя за руку и, волнуясь, подтвердилъ:

— Правда, Войцехъ, правда!

Но его увлеченіе длилось недолго...

— Но, чѣмъ?—нечаянно спросилъ...—Гдѣ у тебя соха? Гдѣ борона?..

— Глупство!—рѣшительно возразилъ Лесюкъ. Онъ нагнулся и поднялъ лежавшую въ углу капарулю.

— А это что? Вскопаемъ!

И въ этомъ отвѣтѣ было столько вѣры, бодрости и энергіи, что сомнѣнія Савицкаго не могли не исчезнуть.

Земляки вновь уяснили и до поздней бесѣдовали о томъ, откуда достать сѣмяна, гдѣ сѣять и когда.

П.

Прошло нѣсколько дней, Работа закинула. По утрамъ, пока земля была еще мерзлая и не поддавалась капаруль, Савицкій и Лесюкъ ѣздили въ лѣсъ за жердями для изгороди и налаживали борону. Въ полдень, одинъ капарулей, другой ложомъ, разбивали и катали мерзлую землю. Скопанная морозомъ глинистая почва откалывалась глыбами... Временами изгнанники начинали терять надежду, но солнце приходило имъ на помощь своими горячими лучами, въ которыхъ крупная глыбы распадалась на мел-

блуждала улыбка... А немного поодаль на гибкихъ вѣткахъ березы каркали вороны, глядя на работающихъ и, какъ бы съ любопытствомъ, слѣдя за ихъ движеніями.

— Поганые! Каркаютъ! Тыфу!—сплюнулъ онъ, чтобы предотвратить зло.

— И вы туда-же—добавилъ онъ, увидѣвъ „овражекъ“, торчавшихъ надъ своими ногами, словно битые въ землю столбами. Съ вами сладимъ! Найдемъ, найдемъ на васъ управу!..

Начавъ пошевелить пошевелить только въ полдень, когда земля оттаяла, они управились съ нимъ лишь къ закату солнца. Усталые, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то торжественно настроенные они возвращались домой вѣды за собою вспотѣвшую лошадь.

— Ну, дай Богъ счастья!—перекрестился Лесюкъ, уходя съ пашни.—Завтра загордимъ, а тамъ что Богъ дастъ... На все Его святая воля!..

— Овражекъ много... Какъ-бы хлѣба не испортили... замѣтилъ Савицкій.

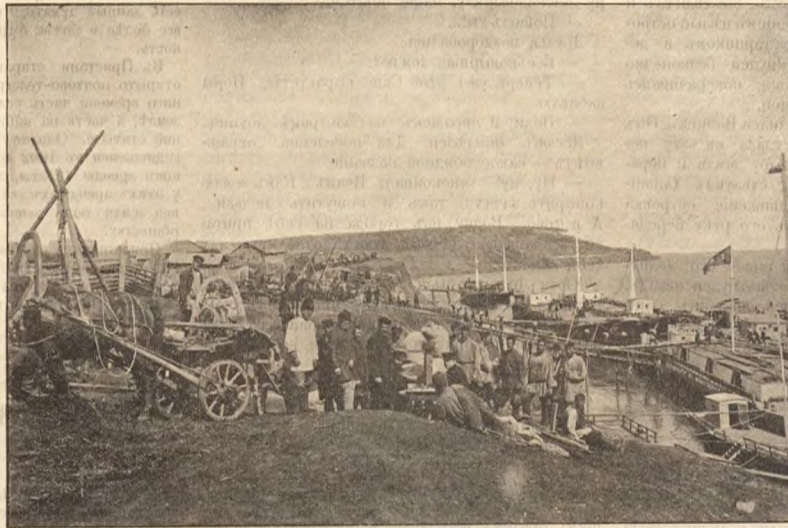
— Глядѣть будемъ; забьемъ норы сѣномъ... небось, не вылизутъ!..

— А земля не переохла?

— Нѣтъ, въ самый разъ. Теперь бы только дождя Богъ далъ, да до морозовъ убрать и будемъ съ хлѣбомъ.

III.

Погрузка хлѣба на баржи въ Усть-Чарышской пристани весной.

Набережная въ Усть-Чарышской пристани весной.

кія и становились болѣе рыхлыми и пушистыми, и они вновь и вновь принимались за этотъ Сизифовъ трудъ.

Особенно торжественный былъ моментъ посева. Оба замѣтно волновались. Бросаніе сѣмянъ въ землю изображало, какъ бы символически, всѣ ихъ стремленія. Каждому изъ нихъ хотѣлось принять въ этомъ участіе, но Савицкому пришлось уступить. Эта работа была не такой легкой, какъ ему казалось. Бросаемыя имъ зерна падали на разрыхленную землю не разсыпаясь дождемъ, какъ у Лесюка, а всѣ вмѣстѣ... Поэтому ему пришлось ограничиться тѣмъ, что онъ велъ подъ узды лошадь, впряженную въ борону, горячившуюся и равную впередъ... Лесюкъ, безъ пашни, мѣрными шагами ступалъ по мягкой пушистой землѣ и каидые нѣсколько шаговъ бросалъ горсть зеренъ. Легкій вѣтерокъ развѣивалъ его длинные, блокурые волосы, на красномъ, вспотѣвшемъ лицѣ

глядѣлъ на барометръ, но утѣшить Лесюка не могъ.

Земля была сухая. Отсутствие дождя сильно ихъ беспокоило. Выручилъ разливъ Лены.

Однажды они проснулись рано утромъ, разбухшие необыкновеннымъ шумомъ и трескомъ. По близъ лежащему озеру съ оглушительнымъ звономъ неслись огромныя льдины и вырванные напоромъ воды глыбы земли, покрытыя кустарникомъ и деревьями; на берегу металась напуганный скотъ, лаiali собаки, суетились якуты, унося на высокія горки свои пожитки изъ убогихъ юртъ, а надъ всѣмъ этимъ съ оглушительнымъ крикомъ носились стая птницъ, тчетно ища мѣста, гдѣ бы сѣсть...

Вода прибывала съ страшной быстротой. Низкія мѣста уже были затоплены, но релка, на которой былъ посеянъ хлѣбъ, еще не была подъ водой.

Лесюкъ и Савицкій съ крыши юрты наблюдали за разливомъ.

— Еще чутьчуть, еще невозможно! Пусть намочит немного! Тогда и дождя не нужно.

— А если заносом завалит пашню?..

— Ничь, не должно... Я не даром на высококом мѣстѣ съѣлъ...

А вода подступала къ пашнѣ все ближе и ближе. Отдѣльные релки чернѣли, кѣтъ островки, въ безбрежномъ морѣ...

— Заливаетъ!—крикнулъ Савицкій.

Они встали и, не спуская глазъ съ пашни, съ безпокойствомъ слѣдили за каждымъ, упоминимымъ теченіемъ, островкомъ... Колья изгороди кое-гдѣ свалились...

— Будетъ! Будетъ!—останавливалъ Лесюкъ расходившуюся стихію и вдругъ побѣднѣлъ и умокъ. На пашню несло теченіемъ пѣлый островокъ, покрытый травой, кустарникомъ и деревьями. Каждый моментъ тянулся безконечно долго... Островокъ покачивался, поворачивался то узкой, то широкой стороной...

— Господи помилуй!—взмолился Войцехъ. Онъ стиснулъ зубы и, устремивъ глаза на эту ненавистную надвигавшуюся глыбу земли и нервною раздраженіемъ всѣмъ тѣломъ, схватилъ Савицкаго за руку... Малѣйшее движеніе островка отражалось на немъ и черезъ его руку передавалось Савицкому...

И какъ будто оттолкнутый силой его молитвы, островокъ вздрогнулъ, отшатнулся назадъ, закачался-силѣе, накренился на одинъ бокъ и остановился. Вода начала сбывать... Опасность миновала... Лесюкъ снялъ шапку и перекрестился.

IV.

На слѣдующій день вода окончательно стекла. Увялая въ грязь, изгнанники съ самаго утра отправились на пашню. Лесюкъ радовался, какъ ребенокъ. Вода съ одной полоски смыла зерно, но за то вся остальная пашня была обильно смочена водой. Подѣбавъ немного зерна на этой полоскѣ, они вновь принялись за постановку изгороди.

— Теперь-бы только тепла Богъ даль...

Савицкій подошелъ къ напугавшему ихъ накануне заносу. Обнаженные корни, какъ огромные клещи, торчали изъ подъ земли.

— Еще бы двѣ сажени,—и пропало дѣло!—весело замѣтилъ Войцехъ.

Савицкаго это скорѣе затрагивало лишь посредственно; онъ не могъ, какъ Лесюкъ, всецѣло отдаться затѣянному. И теперь, видя радостное настроеніе Лесюка, стоя передъ этимъ неуклонимъ великаномъ, чуть не разбившимъ все надежды его землика, онъ радовался его радости, раздѣляя его увлеченіе земледѣльемъ, но въ глубинѣ души сознавалъ, что это не на долго. И дѣйствительно, съ окончаніемъ посѣва Савицкій на время какъ-бы утерять интересъ къ пашнѣ, въ которую вложилъ не мало труда. Страстный охотникъ, онъ дѣлае дни проводилъ на берегахъ озера и проточекъ, скрывавшихъ утокъ... Иной разъ охота увлекла его далеко отъ дома, и онъ только къ вечеру возвращался въ свою юрту. Съ Лесюкомъ въ это время онъ почти тоже не видался, а случайно встрѣтившись, бросалъ, скорѣе ради Войцеха, чѣмъ изъ дѣйствительнаго интереса, вопросъ: «ну, что?», на что неукоснительно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «растетъ», но это растеть говорилося такимъ тономъ, что совершенно замѣняло самую краснорѣчивую фразу...

— Съ своимъ хлѣбомъ, значитъ, будемъ!..

— Да, если только раннихъ морозовъ не будетъ.

Май близился къ концу. Веходы на пашнѣ, ронные, сочные, густые ласкали глазъ. Случайно возвращаясь съ охоты и проходя мимо пашни, Савицкій любовался на этотъ зеленый, колышущійся подъ дуновеніемъ вѣтерка, коверъ. Веселый, съ пѣсенкой на устахъ, онъ направился къ Лесюку, зная, какъ тотъ обрадуется возможности поговорить о пашнѣ, о «своемъ» хлѣбѣ...

Но юрта Лесюка была на замкѣ: его не было дома.

— Куда это онъ дѣлся?—недоумѣвалъ Савицкій. Онъ уже нѣсколько дней не видѣлъ своего

сосѣда. Въ другое время онъ не сомнѣвался-бы въ томъ, что Лесюкъ въ компаніи живущихъ въ десяти верстахъ отъ нихъ поселенцевъ гуляетъ, но теперь это ему казалось немислимымъ, въ дѣйствительности-же это было такъ. Лесюкъ загулялъ.

Возвращаясь однажды съ пашни, гдѣ онъ забивалъ сѣвомъ норы овражекъ, Лесюкъ встрѣтился съ возвращавшимся изъ города поселенцемъ Ивановъ, уже услышавшимъ объ его увлеченіи земледѣльемъ.

Иванъ сталъ во фронтъ, приложилъ два пальца къ шапкѣ и отдалъ честь по военному.

— Вашему высоко-не перескочили, господину землекопьяру, наше пощеніе!

— Пошелъ-ты!..

Друзья поздоровались.

— Все коварнѣе землю?..

— Теперь ужъ что? Само вырастетъ!.. Норы забиваю.

— Поди, и овражекъ на завтракъ ловишь. Лесюкъ обидѣлся. Для поселенца «овражекѣдь»—самое обидное названіе.

— Ну, ну!—успокаивалъ Иванъ... Какъ землю ковырять зачалъ, такъ и пошутить нельзя... А я тово... Водку изъ города на себѣ притащилъ, зашелъ къ тебѣ, думать отдохнуть, а у тебѣ замѣсь...

Юрта Лесюка была на виду. Они вернулись. Войцехъ потропнилъ камелѣкъ, приставилъ чайникъ; Иванъ досталъ деревянную флягу, сдѣлалъ изъ бумаги воронку и осторожно налилъ двѣ чашки водки...

— Ну, давай!.. Со свиданьемъ!..

— Одну развѣ!..

Выпили, закусили, заговорили о знакомыхъ поселенцахъ въ городѣ.

— Ну, еще по одной, что-ли?

— Однако, будемъ!..

— Видаль-ты его... Земледѣлецъ, такъ наши братьямъ поселогой и брезговать зачалъ...

— Ну, давай!..

Послѣ второй чашки Лесюку уже больше не пробаовалъ оказывать сопротивление, а къ вечеру оба поселенца, громко распѣвая, отправились къ Ивану, который жилъ въ небольшомъ поселенскомъ заселѣ.

Н. О. Н.

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

С. Усть-Чарышская пристань.

С. Усть-Чарышская пристань или, какъ его по просту называютъ, Пристанъ занимаеъ очень выгодное мѣстоположеніе на выдающемся внутрь степи углу, дѣлаемомъ Обью какъ разъ на полпути между Байекомъ и Барнауломъ; въ нѣсколькихъ верстахъ выше Пристанъ впадаетъ въ Обь многоводный Чарышь, по которому теперь ходятъ пароходы до с. Бѣлоглазова—въ самую глубь Алексѣево-Чарышской степи, славищейся своей прекрасной пшеницей и большими поствами ея. Благодаря такому своему положенію, Пристанъ приобрѣла и съ каждымъ годомъ приобретаетъ все большее и большее значеніе. Главнымъ предметомъ торговли этого большого и бойкаго села является хлѣбъ: огромные амбары свидѣтельствуютъ объ этомъ; затѣмъ слѣдуютъ земледѣльческія машины, масло, шерсть и др. сельско хозяйственные продукты.

Торговля пшеницей—основа всей жизни села: зимо производителю скупаея ея, весною до открытия навигаціи—очистка и сортровка. Когда придутъ баржи, начинаеся праздникъ для Пристанъ—нагрузка пшеницы въ нихъ. Тогда все население идетъ на эту шумную и веселую работу, и еще много рабочихъ привозится изъ Барнаула; селеніе принимаетъ оживленный видъ: въ амбарахъ вѣетъ наемка зерна въ мѣшки, по улицамъ тянутся возы съ пшеницей, на берегу тысячи рабочихъ (мужчинъ и женщинъ) носятъ куди съ зерномъ въ баржи. Все это идетъ живо, весело. Какъ только кончилась нагрузка хлѣба—Пристанъ замираетъ до новаго урожая. Урожай или неурожай отражаеся на всей торговлѣ и жизни Пристанъ,—разъ нѣтъ подвоза хлѣба, приостанавливаетъ и вся торговля.

Въ Пристанъ много богатыхъ купцовъ—скупщиковъ хлѣба и торговцевъ (напр. Шестаковъ, Притчинъ и друг.). Центральная часть села, застроен-

ная большими магазинами и красивыми большими домами мѣстныхъ богачей, производитъ впечатлѣніе города, а весною во время выгрузки пшеницы—даже очень оживленнаго города. Однако, это только по внѣшности такъ. Внутренняя, духовная жизнь Пристанъ не выдѣлалъ въ какую либо опредѣленную форму и тянется скучно и плохо. Просвѣтительныхъ учрежденій, кромѣ школы, пока нѣтъ никакихъ. Общественная жизнь вся выражаеся только въ устраиваемыхъ мѣстной интеллигентней спектакляхъ, надо сказать, имѣющихъ большой успѣхъ. Есть въ Пристанъ сельско-хозяйственное общество, учрежденное въ прошломъ году. Предсѣдателемъ его состоитъ мѣстный мировой судья Н. Э. Мишеловскій, секретаремъ—Э. Ю. Буткинъ. Общество очень дѣятельно работало въ истекающемъ году и есть данная думать, что оно съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе будетъ развивать свою дѣятельность.

Въ Пристанъ стараніями мѣстныхъ торговцевъ открыто почтово-телеграфное отдѣленіе. До послѣдняго времени часть села находилась на собственной землѣ, а часть на кабинетской, числившейся арендной статью. Однако, при землеустройствѣ, производившемся въ 1902 году, выяснилось, что признакомъ аренды (платя, заключеніи условій и т. под.) у этихъ арендныхъ статей нѣтъ, а потому теперь вся земля подъ селеніемъ отведена пристанскому обществу.

Прилагаемые рисунки изображаютъ набережную Пристанъ весною 1903 года во время самой оживленной выгрузки судовъ.

Ничѣе Пристанъ отпустила около 1 1/2 милл. пудовъ хлѣба.

В. Солдатовъ.

Новости наукъ и изобрѣтеній.

Дешевое электричество.

Знаменитый изобрѣтатель Эдиссонъ общаеся осластивить человечество еще однимъ и, по истинѣ, благодѣтельнымъ открытjemъ.

Онъ открылъ новый источникъ электрической энергіи, издѣляемой горячимъ матеріаломъ необычайной силы, и настолько дешевой, что онъ дастъ возможность пользоваться электрическимъ освѣщеніемъ и автомобилемъ не только миллионерамъ, но и простому рабочему. На нѣсколько копѣекъ въ день можно будетъ получить свѣта и энергіи достаточно для цѣлой семьи. А приборъ такъ простъ, что имъ можетъ управлять всякій толковый человекъ, не специалистъ.

Электрическая батарея, приводящая въ движеніе вашъ автомобиль, будетъ снабжать энергіей и электрическіе звонки въ вашей квартирѣ, и телефоны, проведенные изъ комнаты, и, какіе угодно, другіе электрическіе приборы. А расходъ? Такъ ничтоженъ, что о нихъ не стоитъ и говорить. Важно только приобрести источникъ энергіи, а остальное—пустяки. Горячій матеріалъ—или вѣрный способъ приведенія въ дѣйствіе машины—въ этой области никогда еще не применялся.

«Предломъ моего честолюбія,—говоритъ изобрѣтатель,—всегда было дасть возможность пользоваться электричествомъ людямъ съ небольшими средствами, понизить цѣну удовольствій и развлеченій, которыя доставляетъ электричество, такъ, чтобы они стали доступны бѣднякамъ. Я люблю видѣть міръ счастливымъ, довольнымъ, и всю свою энергію употребилъ на то, чтобы доставить и бѣднякамъ то, чѣмъ теперь могутъ пользоваться только богатые».

Въ заключеніе, Эдиссонъ объявилъ, что проблема дешеваго электричества разрѣшена вполнѣ удачно, но практическая форма ея примененія еще не выработана окончательно, и потому онъ, какъ человекъ осторожный и не хвастунъ, пока говорить о своемъ изобрѣтеніи лишь въ общихъ чертахъ.

— Профессоръ военно-медицинской академіи А. Я. Данилевскій изобрѣлъ чрезвычайно практичный и продуктивный способъ очистки питьевой воды для путешественъ и походковъ. До рѣшенія этой задачи профессоръ Данилевскій дошелъ цѣлою теоретическою путемъ; практическое же разрѣшеніе взялъ на себя докторъ Слодовъ. Опытъ увѣрился полными успѣхомъ. Способъ очищенія по Данилевскому состоитъ въ томъ, что въ теченіе получаса на воду дѣйствуютъ очень малымъ количествомъ смѣси соляной и азотной кислоты въ присутствіи крайне незначительнаго количества желѣза, послѣ чего вода нейтрализуется содою.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Продажа въ разсрочку и прокатъ Роялей и Піанино.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.